

Елена Фогель

**По ту
сторону...**

Елена Фогель
По ту сторону...

«Издательские решения»

Фогель Е.

По ту сторону... / Е. Фогель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939674-7

Каникулы могут быть разными. Веселыми или скучными, длинными или короткими. Они могут тянуться бесконечно долго или пролететь в один момент. Но самые лучшие каникулы — те, которыми ты можешь гордиться и вспоминать их всю жизнь.

ISBN 978-5-44-939674-7

© Фогель Е.
© Издательские решения

Содержание

«По ту сторону...»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

По ту сторону...

Елена Фогель

© Елена Фогель, 2018

ISBN 978-5-4493-9674-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«По ту сторону...»

Елена Фогель

*Не смутит смелых сердцем
Неведомый край.
И навстречу судьбе
Не замедлят шаги.
Ты по книжным страницам
Гадай не гадай,
А в делах не предай,
Не споткнись, не солги.
Ворон крылья простер,
Мир от зла оградив.
И услышан героем
Безмолвный призыв.*

«Ну, наконец-то!»

Река медленно, не торопясь текла по своим речным делам. Вода коснулась ног, зажурчала у колен и подхватила, понесла. Прибрежные кусты закрыли горизонт, и Тим погрузился в плотную темноту. «Прямо переправа у Харона», – мелькнуло в голове, и от этой мысли стало вдруг легко и весело. Впереди послышался шум. Вода заторопилась, словно ей самой было интересно узнать – что же там происходит. И, почти перед глазами у Тима зажегся крохотный огонек. На мгновение ему почудилось, что он на родной Сероструйке, и что у костерка на берегу дед Василий ждет его с котелком ароматной ухи. Но Сероструйка осталась далеко в прошлом, а огонек на берегу мог означать большие неприятности.

Тим нырнул и постарался под водой дотянуть до прибрежных кустов. Но предательское течение вынесло его к самому костру.

– Ты что там, в шпионов играешь, что ли? Вылазь. Фыркаешь как тюлень, на полреки слышно. Я тебя вон откуда заприметил.

От этого голоса Тима бросило в жар, и он в растерянности сделал по воде пару неловких шагов.

– Да что с тобой, малый? Доплавался до гусиной кожи. Садись-ка к огню поближе. Уха, вон поспела. Чуешь аромат-то.

Готовый, казалось к любым неожиданностям, Тим никак не мог поверить, что слышит этот родной, до боли знакомый голос.

– Дед?

– Ну а кто же еще?

«Да кто угодно», подумал про себя Тим, нащупывая рукоятку ножа. Лицо говорящего было плохо видно, человек сидел чуть поодаль от огня, но голос... Выстрелила головешка, взвились искры, пламя качнулось, плеснуло вверх, выхватив из темноты лицо, и сомнения исчезли. «Дед Василий, уха, Сероструйка: значит – дома».

– Ничего не значит, – проворчал старик. – Ты, вон, про нож не забыл – и правильно. Здесь только себе верить можно, да и то – не всегда. На такой случай и нож наготове.

«Я же ничего не говорил», – мелькнуло в голове Тима. «И нож не достал, а просто проверил».

– Ну и ладно. Не зачем язык лишний раз трепать, он ведь не казенный.

– Погоди, дед, ты что, мысли читаешь, что ли?

– А по-твоему, я только воробьев с огорода гонять могу? Ишь, удивился! Небось когда я про три ключа рассказывал – не удивлялся. Сказки, мол, легенды. Похлебай-ка ущицы, да пойдем. Здесь нам лучше не задерживаться.

Тим скинул промокшую одежду, выжал ее и разложил поближе к костру. Дед скинул с себя плащ и протянул внуку. Тим накинул на замерзшие плечи теплую мягкую ткань, присел к огню и осторожно, не торопясь взял в руки миску с горячей ухой. Он так и не наловчился есть с колен и очень боялся опрокинуть на себя все, что было налито ему дедом от души, до самых краев. Пристроившись поудобнее и примостив горячую миску более или менее безопасно, он сообразил, что ложки у него нет, а если бы и была, то достать ее он из такого положения ну никак бы не смог. В растерянности мальчик поднял глаза и прямо перед собой увидел дедову руку с ложкой, тускло поблескивающей в свете костра. «Алюминиевая», – отметил про себя Тим, беря в руки ложку – «Старенькая. Дед всегда ее с собой в дорогу берет, чтобы вес поменьше был». От наваристой, душистой юшки по телу разлилось тепло, костер потрескивал, не отпуская от себя взгляд, вода шумела на близком перекате. И сквозь шепот воды, глухо, словно из-за стены, до Тима донеслось: «... остановился тот олень-золотые рога, ударил копытом в бел камень и потек из камня ключ, вода родниковая. И кто пил из того ключа, тот все языки на свете понимал: и звериные, и змеиные, и людские и немые...». Что это за языки такие – немые, Тим тогда ни у кого узнать не мог. Кто просто не знал, кто говорил, что в старину люди глупые были, вот и навывдумывали всякую всячину. Дед Василий же отвечал, что объяснить такое нельзя, самому понять надо. «Вот, кажется, я и понял», – решил Тим, – «выходит дед водички волшебной попил и мысли читать начал. Это что же, значит, он и птиц понимает и зверей, что они там лают-блеют. Чушь, бред!» Тим поднял голову и перехватил насмешливый дедушкин взгляд. Тот смотрел на внука, усмехаясь в пушистые усы.

– Эх ты, спортсмен-экстремал. Отдохнул? Тогда поднимайся. Одежка твоя подсохла. Одевайся скорее. Путь неблизкий, а нам его до свету одолеть надо.

По правде говоря, все тело у Тима ныло от усталости, к ногам словно подвесили пудовые гири, но он и сам понимал, что оставаться здесь надолго нельзя.

К Сероструйке жители деревни Крапивня всегда относились с опаской. Рыбу, конечно, ловили и на лодках, если надо, плавали. Скотину на водопой тоже гоняли. Но чтобы на берегу, на травке посидеть, отдых устроить или самим купаться, такого не водилось. На первый взгляд ничего страшного на реке не было. Неспешиное течение, берега, заросшие разнотравьем, тихие заводи с кувшинками. Ни круч, ни обрывов, ни коварных омутов. Но слава у реки была недобрая. Старики поговаривали про нечисть всякую, ребянтню водяным да русалками пугали. Те из взрослых, что уже в годах, рассказывали о водоворотах и подводных течениях. Ну а молодежь и сама в воду не лезла: слишком памятливы были случаи, когда на Сероструйке два лета подряд пропадали люди.

Сперва исчезла парочка горожан, приехавших «слиться с природой». Люди с виду были интеллигентные. Не шумели, с местными не задирались, от разговоров не отказывались, мусор не разбрасывали. Был у них, правда, один пунктик: растворение в природе. На солнце смотрели, с птичками пересвистывались, деревья обнимали. Ну и растворились. Да так, что ни местные рыбаки, ни полиция никаких следов найти не могли. Палатка на берегу, снаряжение туристское, кострище, вещи всякие – остались, а люди – нет. Добровольцы местные пошарили по окрестностям, полицейские берега прочесали, даже водолаза из города привезли. Но никого не нашли. На том дело и кончилось. Полиция уехала отчеты писать. А старики все по-своему объяснили. Нашли, мол, приезжие в речке серую струю, по ней на другую сто-

рону и уплыли. «На тот берег, что ли?» «Да какой берег? Берега – вот они – что тот, что этот – наши. А сторона – она и есть – другая». Деревенские на эти речи плечами пожимали. Но со стариками спорить охоты не было.

А потом приехали еще горожане – экспедиция. У них дело серьезно налажено было. По научному. Аппаратуру привезли для съемок. В клубе расположились, пораспрашивали – чем деревня славится, какие промыслы в старину в ней процветали. К умельцам местным в гости пришли, всё секреты мастеров перенять старались. Старший своих сотрудников распределил – кого к Федору-гончару, учиться глину замешивать, на круге гончарном работать, роспись на посуде осваивать; кого к тете Тоне – перенимать узоры, какими она подзорники да наволочки расшивала. Сам у Степана-кузнеца в кузне прописался. С ним он быстро общий язык нашел, стучали в два молотка так, что по всей деревне звон стоял. Ну а молодые в народ пошли. Людей про старину спрашивали, песни и сказки на магнитофон записывали, у старух все наряды из сундуков перемеряли. Оператор у них отдыху не знал: мотался с камерой по деревне, все снимал. И песни, и разговоры, и работу деревенскую. Приехал с экспедицией один тип, который с местными особо не общался. Он целыми днями возле речки с каким-то ящиком мотался. Все пробы брал. То по берегу гулял, то на лодке катался. Ну и нашел себе приключение. Исчез вместе с ящиком и следов не оставил. И снова ни полиция, ни мужики местные найти ничего не смогли.

Тут деды снова про серую струю заговорили. Кто-то над ними посмеялся, кто-то отмахнулся, а Степану-кузнецу эта струя поперек души легла. Конечно, в деревне много былей-небылиц знали. И про Черную горку, и про три ключа и про трескун-огонь. Но всерьез в них никто не верил. Тогда уж и Баба-Яга с Кощеем Бессмертным на белом свете жили и молодильные яблочки кушали. Глупость какая, ребячьи сказки!

Вот Степан и взялся доказать всему белому свету, что народ на речке пропадал по собственному разгильдяйству, а сказки здесь не причём. Назначил он день, когда на реку купаться пойдет, надежных парней с собой позвал, а ненадежные сами пришли. Всем же интересно. Кузнец разделся и в воду вошел. Для разминки поплавал вдоль берега туда-сюда, потом через реку на противоположный берег наладился. Красиво поплыл, все аж залюбовались. Степан сельчанам с противоположного берега отсалютовал и стал обратно возвращаться. Одолеп почти две трети пути и – исчез. Все, кто на берегу был, сначала замерли. Ведь ясно же видели, что не сам нырнул, и под воду его никто утянуть не мог. А так вот разом взял и пропал. Ни ряби, ни кругов на воде не осталось. Парни мигом лодку на воду спихнули, начали реку обшаривать в том месте, где Степан сгинул. Да только все напрасно. Был кузнец – и нет кузнеца. С тех пор в реку никто не совался. Даже табличку на берегу поставили: «Купаться запрещено!» Но и без таблички на это дело охотников не находилось.

В то лето к дому Василия Парамоновича подкатила машина. Приехал из города сын. Только на этот раз приехал он не один, а с семьей. К невестке дед Василий относился с недоверием. Уж очень она ему манерной казалась. Все его попытки завязать добрые отношения принимались свысока и с легким пренебрежением. В ее присутствии он чувствовал себя дремучим лесовиком и никак не мог понять, как и чем сын смог покорить сердце этой дивы. И так уж получилось, что внука дед Василий увидел первый раз за 12 лет. Каждый год Тимофея регулярно отправляли за здоровьем к морю. Невестка считала, что воздух там целебнее, солнце ярче, да и жить в санаторных условиях лучше, чем в дедовом доме. И вот, на тебе, пожаловали. Сын с невесткой через пару дней в город засобирались, дела у них там какие-то все летние планы спутали. Поэтому решили Тима оставить на дедово попечение, чтоб хоть как-нибудь мальчик от школьных трудов отдохнул и сил набрался. Слов нет, обрадовался Василий Парамонович несказанно! С внука все глаз не сводил. Но и тревожно на сердце было: не заскучает ли парнишка в деревенской глуши после курортных красот?

А мальчишка ладный такой был. Росточку среднего, в плечах неширок, но чувствовалось что местным ребятам, в случае чего, спуску не даст. Сразу видно – крапивинский. Только глаза у него были ни в мать, ни в отца – небесные. В том смысле что ни карие, ни серые, а темно-голубые с серым ободком. Вот вырастет – от девчат отбою не будет.

С деревенскими ребятами Тимка сошелся на удивление легко. Будто и не приезжал он вовсе, а все двенадцать лет прожил в Крапивне. Характер у него оказался легкий, веселый. Скучать ему было некогда. Дня не хватало все дела переделать. То в лес по грибы-ягоды, то с пастухом за стадом следить, то на кухню (вместо Степана там теперь его брат работал), то на мельницу. Для него ведь в деревне все в новинку, в диковинку было. Ну а уж по вечерам Тимофей от деда не отходил. И Василий Парамонович рад был такому вниманию – все деревенские были-небылицы, тайны да секреты внуку рассказывал. Так почти все лето и прошло. Без происшествий.

На деда Тим налетел неожиданно. От усталости он давно уже шагал в полузабытьи и не заметил, как тот остановился.

– Отдышись немного, – обратился к мальчику старик. – Дорогу попроще мы одолели. Дальше не оплошать бы. Скажи-ка, ты как на эту сторону попал?

– Сам не пойму, дед. Вроде бы шел-шел, ну и... Пришел.

– В речку, значит не лазил?

– Нет! Я с Андрейкой договорился к Глухому Мосту сходить. Он сказал, что в тех местах чертов палец найти можно. Мы как до моста дошли, так и решили, что он в одну сторону пойдет, а я в другую, ну чтобы не мешать друг-другу. Вот и разошлись.

– Погоди-погоди. Как это «решили».

– Ну, так. Чего, мол, друг у друга под ногами путаться. Андрей так тогда и сказал: «Я в эту сторону пойду, а ты в другую». Я-то не понял сразу, что и правда, на «ту сторону» попал. А если честно говорить, то и не верил никогда, что есть она «другая сторона».

– Ну-ну, сказки-легенды...

– Что же теперь делать, дед?

– Смотреть в оба, да ушки на макушке держать. А самое главное – от меня ни на шаг. И все, что велю, делать не раздумывая. Нам сейчас одно нужно – до Царь-дуба добраться. Оттуда прямая дорога на Зеленую Мельницу. А от нее до дома – рукой подать.

Дед Василий пошарил в кармане куртки и вытащил старый потертый кисет.

– Надень его и под рубашку спрячь, – протянул он кисет внуку, – Будет худо, сам понюхай и вокруг себя сыпани. Здесь этого порошка не любят, стараются от него подальше держаться. Только без толку за кисет не хватайся, он не бездонный.

Пока Тим старательно пристраивал кисет за пазухой, дед успел отойти шагов на десять, и ночная темнота почти накрыла его. Тим бросился вдогонку, но громкий свист заставил его пригнуться. «Ну вот, началось» – мелькнула отчаянная мысль.

Свист повторился, причем Тимофею показалось, что свистят с трех сторон сразу. Темнота вокруг стала густой и вязкой. Она потянулась к Тимке невидимыми пальцами, легла под ноги камнями и корягами, вцепилась в одежду непонятными колючками. Боясь отстать от деда, мальчик рванулся вперед, зацепился ногой за корягу и плашмя свалился на тропинку. Свист раздался над самой головой. Чья-то сильная рука схватила его за воротник и резко поставила на ноги.

– Сказано же было – не отставай, – в приглушенном голосе звучала досада и Тимофею стало неловко за свою нерасторопность. Схватившись за поднявшую его руку, он припустился бежать, стараясь изо всех сил. Но дед шагал так, что на один его шаг приходилось делать три. Скоро в висках у Тима застучали молоточки, а ноги налились свинцом. И вдруг молнией мельк-

нула мысль: «А кто это свистел, когда я упал». Он запоздало сообразил, что совсем недавно дедушка шагал помедленнее, и рука, за которую он держался, показалась ему чужой и незнакомой. «Дед, это ты?», мысленно спросил Тим, вспомнив, как тот у реки читал его мысли. Но ответа не получил.

В ночной темноте мальчик еле-еле различал дорогу. Понять, кто идет с ним рядом, практически было невозможно. Но бежать неизвестно за кем было просто опасно. Тим резко вырвал руку и бросился в сторону. Он обогнул разлапистый куст, перепрыгнул рытвину. Хлестнула по груди ветка, зацепилась за куртку, ноги запнулись за поваленный ствол и Тим, падая, резко нырнул вниз, прячась от возможной погони. В первые мгновения он ничего не слышал, кроме гулких ударов сердца. Но вскоре он смог уловить тихие голоса. Слов ему разобрать никак не удавалось, и мальчик затаил дыхание, понимая, что если бы он удрал от деда, тот уж давно бы окликнул его. Неведомый спутник стоял неподалеку и с кем-то переговаривался. Голос его звучал гулко, как в бочке. Ему отвечали надсадным сипением. Чувствовалось, что сипящий едва сдерживает злость. Тим боялся пошевелиться. Куда подевался дедушка, и в какой стороне находится Царь-дуб он и представить не мог. Самым разумным казалось затаиться и выждать. Внезапно рядом с Тимом зашуршала трава и над ухом кто-то прошептал: «Отползай потихоньку назад, а потом беги вправо, что есть мочи». В другой раз Тим сильно засомневался бы, прежде чем принять такой совет, но сердце, гулко ударившись в груди, подтолкнуло, и Тим осторожно сдвинулся с места. Он, затаив дыхание, отползал все дальше от тропинки, на которой остались шептаться незнакомцы, боясь зацепить какую-нибудь особенно хрусткую ветку. Рядом с ним слышался легкий шелест. И от этого на душе становилось спокойнее. То, что нужно бежать Тим тоже понял моментально, словно внутри него прозвучал сигнал. Он подскочил и, не разбирая дороги, не задумываясь ни о чем, помчался в темноту. Мимо мелькали стволы деревьев, он отмечал неровности под ногами и летящие навстречу ветви, но обдумать свои действия не успевал. Ноги несли его сами по себе, лавируя между препятствий. Мальчику казалось, что он превратился в ночную птицу, летящую через темный лес. Он ориентировался в темноте, полагаясь на неведомый ранее опыт и внутреннее чутье. Страх не было и в помине.

Наконец его вынесло к просторной поляне и Тим замер в изумлении. На противоположном ее краю, залитый лунным светом, словно колонна неведомого храма, высился огромный ствол. Крона могучего дерева лишь угадывалась в высоте. И если бы Тим вообще ничего не смыслил в том, какие вообще бывают деревья, то по размерам и величавости он сразу бы понял, что перед ним именно тот самый заветный Царь-дуб, до которого ему нужно было добраться. Огромные ветви шатром накрывали половину поляны. Тим невольно заробел перед таким великаном.

В тени ствола он уловил легкое движение, неясный силуэт слегка раскачивался там, словно звал подойти.

– Ну, что стоишь, – раздалось над ухом, – давай бегом, пока лихие не нагрянули. На этот раз Тим узнал дедушкин голос, но тот, кто стоял рядом на деда совсем не был похож. «Ох, и влип же я», – мелькнуло в голове мальчика. Словно в ответ на эту мысль прозвучал короткий смехок – «Беги, не раздумывай!». И Тим припустил через поляну.

Как только он достиг края тени силы словно оставили его, ноги подкосились и Тим свалился бы на землю, если бы сильные руки не помогли устоять.

– Эх ты. Я же говорил тебе – не отставай, не мешкай...

– Да не ворчи, ты, Василь Парамоньч, – раздался тоненький слегка скрипучий голос, – от лихих уйти – это, надо сказать, не всякий сможет. На парнишке лица нет, а ты разговоры разговариваешь. Пойдем-ка лучше в сторожку, вам до Зеленой Мельницы еще идти да идти. Отдышитесь, подкрепитесь – и в путь. А вам до рассвета, сам знаешь, управиться во как надо.

От стремительного развития событий, Тим совсем растерялся. Но сердце стучало ровно, и он почти успокоился. Глаза постепенно привыкали к полумраку. У самого ствола мальчик

различил небольшую избушку. Крыша ее была покрыта листвой, стены утопали в траве, ни окон, ни дверей не было видно. Днем она, скорее всего, походила на холмик у корней могучего дерева. Он уже хотел спросить у дедушки, кто же хозяин этого дома и чем занимается в такой глуши, но, обернувшись, вместо деда Василия увидел незнакомый силуэт. Стройная статная фигура, скрытая под широким плащом, никак не могла принадлежать сухонькому и невысокому Василию Парамоновичу. Тим услышал легкий скрип и шагнул на звук. Под рукой он почувствовал прохладную стену, ноги нащупали невидные в темноте ступеньки, мальчик осторожно спустился по ним и замер, боясь наткнуться на что-нибудь в темноте.

– Ну, вот и пришли. Сейчас я света добуду.

Раздалось легкое постукивание, в темноте замелькали искры и, словно ниоткуда, возник огонек. Тим огляделся. Избушка оказалась уютной: деревянный стол, лавка вдоль него, в углу разместилась аккуратно застеленная кровать. На полу лежал пестрый половичок. Словно к соседской бабушке в гости зашел. Вот только вместо хозяйки перед ним стояло диковинное создание. Небольшого роста, покрытое волнистой, мягкой на вид шерсткой, оно смотрело на мальчика огромными глазами.

– Проходите, гости дорогие, располагайтесь. Сейчас угощение поспеет.

Мохнатка развернулся. В лапках-ручках у него очутилась скатерть (Тим готов был поклясться, что прямо из воздуха) и хозяин, взмахнув ею как заправский фокусник, накрыл стол. Из опыта Тим знал, что в непонятных ситуациях лучше не делать резких движений. Поэтому не спешил принять приглашение. К тому же, он боялся оглянуться на того, кто вошел с ним и тихо стоял рядом, дожидаясь пока хозяин колдовал над угощением. А таинственный спутник не торопился представиться, словно выжидая, когда мальчик сам обернется к нему. Терпеть неизвестность стало совсем невыносимо, и Тим медленно повернул голову. В этот же момент стоящий рядом начал снимать широкий плащ и перед изумленным мальчиком из-под него появился дед Василий. Тим от неожиданности охнул и бросился к деду на грудь. Тот крепко обнял внука, а затем подтолкнул к столу.

– Чем, Кудря, потчевать будешь?

– А вот, что лес вырастил, то и на стол. Грибочки соленые, корешки печеные, травы заварные, ягодки заливные. Чем богаты, тем и рады.

– Вот спасибо. Садись, внучек. У Кудри талант есть такой: что ни стоговит, все на пользу идет, сил прибавляет. А нам на голодный-то желудок далеко не уйти.

Тим с сомнением поглядел на стол. Дома мама всегда заботилась о том, чтобы ребенок был накормлен правильно. Баланс жиров-белков-углеводов, минеральный состав, наличие витаминов – все тщательно проверялось, вычислялось по многочисленным таблицам и руководствам. Поэтому полезная еда в его представлении должна была быть безвкусной. Но выбирать не приходилось. Тем более что после дедовой ухи на далекой Сероструйке, угощаться ему не приходилось. Однако, от мисок, которые щедро наполнял Кудря, запах шел очень даже аппетитный. Грибы были приправлены душистыми травами, печеные корешки ничуть не уступали по вкусу разваристой картошке, а ягоды, сваренные на меду, таяли во рту. Мальчик не смог отказаться от добавки, предложенной гостеприимным хозяином.

А тот тем временем завел неспешный разговор с дедом Василием.

– Что дальше-то делать будешь, Василь Парамоныч. Лихие просто так не отстанут. Думаю, они на всех тропинках наблюдателей поставили, чтобы вас не упустить. Вам прямой путь на Зеленую Мельницу заказан. Кружить придется.

– Кружить нам некогда. Опоздаем до первого луча, надолго здесь застрянем. А Тимофею нельзя на этой стороне оставаться. Не приспособлен он для нее.

– Это понятно. Не понятно, как вы идти собираетесь. Лихие, если чего задумали, так просто не отступятся.

– Вот я и думаю. А нет ли у тебя, Кудря, где-нибудь в потайном кузовке, обманной травы. Если получится лихим глаза отвести, мы время-то и выиграем.

– Опасное это дело, с обманной травой не шутят. Да и мало у меня ее осталось. Слабое зелье получится.

– Нам привередничать не годится. Слабое, оно все лучше никакого. Главное дело – время выиграть, глаза лихим отвести. А доберемся до Мельницы, я у Мокряша помощи попрошу. Нам ведь от него до дома рукой подать.

– Хорошему человеку помочь приятно. Но подождать придется.

Кудря открыл какую-то дверку в стене, достал туесок и вышел из комнаты.

Дед заметил, что Тимофей, отложив ложку, внимательно смотрит вслед хозяину.

– Что, внучек. Насмотрелся ты диковинок, на всю жизнь хватит.

– А это кто, дед?

– Поддубник. Он у здешнего лесовика в помощниках. За порядком следит, ссоры замиряет, кого надо – похвалит, кого – поругает. Его здешний народ уважает, слушает.

– А лихие? Они – кто?

– А кто себя забыл. Есть в здешних местах два ключа. Один сверху течет, вода в нем сладкая, чистая...

– Живая?

– Не совсем. Про живую воду и мертвую потом уже сказки сложили. А здешние ключи, хоть и разнятся друг от друга, но по-другому. Хотя, если рассудить, и они и умертвить и оживить могут. Попьет человек, или другой кто, водички из первого ключа и станет у него на сердце радостно, мысли хорошие в голове заиграют и все у него ладится, за какое дело не возьмется. А вот второй ключ, хоть на вид не хуже первого, надо стороной обходить. Потому что течет он с нижних пределов и вода в нем как бы отравлена. От нее сердце изнутри выгорать начинает. Дотла. А пока оно горит, такая тоска и злоба наваливаются, что весь белый свет не мил. И мается бедолага, не знает, как эту сердечную боль унять. А от воды этой еще и мысли про злодейства, да пакости на ум приходят. Только пакостями сердце не лечится.

– Ну, так надо их чистой водой напоить или облить, чтоб наверняка.

– Ишь, резвый какой. Не так все просто. Если от ключей воду унести, она все свои свойства теряет. Просто родниковой становится. Ну а если кто дурной водички попробовал, тот чистую на дух не переносит. И к роднику с верхней водой ему путь заказан. С собой же бороться злоба сердечная мешает: с дороги сбивает, морок наводит. Может и рад бы злыдень к верхней водичке добраться, только чем ближе он к ней подходит, тем хуже ему становится. Все болеть начинает, ноги слабеют, тоска наваливается. И убегает он от спасения своего прочь. Хорошо если не придет в голову еще раз из нижнего ключа напиток. Тогда – пиши пропало. Так и в лихие попасть недолго. А вот оттуда уже назад ходу нет. Все про себя лихой забывает: какого он роду-племени, чем раньше занимался. Ни друзей, ни родни. Только злоба сердце ест.

– А от меня они чего хотят?

Дед внимательно посмотрел на внука. Тот сидел перед ним и ждал ответа, искренне убежденный, в том, что старший знает решение всех головоломок, которые встретились ему в этом странном месте. Василий Парамонович невольно позавидовал молодому неведению, которое щитом прикрывало мальчика от излишних страхов и волнений. Когда-то и он сам без робости проходил мимо смертельной опасности, просто потому, что не подозревал о ней. Вот так же и Тимофей. Сколько ловушек он смог избежать благодаря молодости, неискушенности, невосприимчивости ко злу. Эх, нам бы ваши годы...

– Нелегкий вопрос ты мне задал, внучек. Нет у меня на него ответа. Думаю только – неспроста ты так легко на эту сторону попал. Большой интерес к тебе у лихих, об этом крепко подумать нужно.

Первая встреча с лихими врезалась в память Тиму намертво. Он к тому времени успел поблуждать по иноземью, усвоить кое-какие правила. Одно из них гласило: в любой момент жди подвоха. Местные обожали надуть, облапошить, провести любого, а уж доверчивого новичка грех было не оставить в дураках. Незнание законов никого от ответственности не освобождало. Но объяснять эти законы Тиму никто не собирался. Приходилось усваивать их через собственные ошибки и промахи, стараясь не потерять себя. Поначалу Тим то и дело попадал впросак. И не всегда он сталкивался с безобидными розыгрышами. Вернее сказать, безобидных не было вообще. Ему срочно нужно было приобрести здешний вид. Как мог, Тим старался раздобыть себе одежду, в которой не чувствовал бы среди окружающих белой вороной. Выделяться здесь было не принято. Как-то раз, его чуть было не покалечил здоровенный детина, только за то, что мальчик не мог толком объяснить ему, что такое кеды и почему они не похожи на обычные шитые башмаки. Дитина орал так, словно Тим оскорбил его в самых лучших чувствах, мол, как он смеет вообще показываться на глаза добрым людям с такой нелепицей на ногах, уж лучше выбросил дурь из головы и ходил бы босиком, иначе он собственноручно ему эту дурь и выбьет, вместе с мозгами. При этом здоровяк держал Тимку одной рукой за воротник, а другой пытался содрать с его ног кеды. Тима спасло лишь то, что воротник его любимой клетчатой рубашки с треском оторвался, и мальчик сумел выскользнуть из здоровенных, но неуклюжих лап. Дрожая от возбуждения, он шел по кривой улочке мимо покосившегося забора, пытаясь приладить воротник на место. Попытки конечно же были бесполезными, но Тим не осознавал этого, плохо соображая после стычки. Когда из переулка, пропитанного темнотой, сыростью и ночным туманом выскользнула тень, Тим не придавал этому значения. Ну прохожий и прохожий. В здешних краях не принято было приглядываться друг к другу, интересоваться чужими делами. За излишнее любопытство можно было и в глаз получить. Поэтому мальчик лишь ускорил шаги. Но прохожий не отставал. Он шел за Тимофеем, как бы тот не прибавлял шаг, сворачивал за ним во все переулки и даже умудрился очутиться перед ним после очередного маневра. Преследование было молчаливым и неотступным. Это пугало больше всего. Наконец нервы у Тима не выдержали. Он развернулся и, с криком бросился преследователю навстречу. Размахивая руками, истошно крича, он налетел на него и провалился в пустоту. Мальчика словно затянуло в водоворот. Он потерял ощущение пространства и времени, его вертело и несло, в ушах стоял гул. Так, наверное, чувствует себя птица, попавшая в вихрь. Прекратилось все внезапно. Тима словно швырнуло с высоты, и он очнулся на холодной земле, под забором. Все тело ныло, в голове стучали молотки, из носу текла струйка крови. Над ним склонилась старушка. Закутанная в сто одежек, она казалась в темноте узлом, забытым на улице при поспешном переезде. Взяв Тима за подбородок, женщина развернула его лицо вверх и при лунном свете стала разглядывать мальчика. Вытащив из рукава какую-то тряпицу, она аккуратно вытерла ему кровь. «Ну, что сидишь? Вставай. Земля-то холодная, застынешь». Тим с трудом встал, держась за шершавые доски забора. Голова кружилась. Старушка взяла Тимку за руку и повела за собой по темной улице. Ноги слушались плохо, но Тим шел, крепко держась за женщину. Ему очень не хотелось остаться на этой улице

одному. Наконец они остановились возле неприметной в темноте калитки. Старушка подняла руку и та, ворчливо скрипнув, приоткрылась, пропуская хозяйку. Тиму почудилось, что прорези в досках прищурились, оценивая его. Тропинка, белевшая в темноте, подвела пришедших к ступенькам, ведущим в дом, и, поднявшись по крутым ступеням, Тим наконец почувствовал себя в безопасности. Откуда возникла такая уверенность, он не знал, но на сердце было спокойно и тихо. Старушка зажгла свечу, с любопытством оглядела мальчика и склонилась к заслонке небольшой печки. Там вскоре загудело пламя, и раздался тихий, но уверенный посвист закипающего чайника. «Что же ты, птенчик, один по темноте бродишь. Так и в беду попасть недолго». Тим молчал, боясь неосторожным словом навлечь на себя очередную беду. Старушка тих рассмеялась. «Не бойся, птенчик. Я не ем маленьких мальчиков на ужин. Садись к столу. Расскажешь, что с тобой стряслось. Да и подкрепится тебе не помешает». И тут Тима прорвало. За несколько дней, что он провел в непонятной стороне, ему не с кем было поговорить без опаски, спросить совета, поделиться сомнениями. О том, чтобы попросить помощи – не могло быть и речи. Тим научился молчать, не торопился вступать в разговоры, мог отшить назойливого собеседника. Но он устал быть постоянно начеку. Слова лились из него потоком. Страхи, сомнения, вопросы... Старушка слушала молча. Когда слова у Тимки закончились, она так же молча налила в чашку чай и поставила рядом с ней тарелку с большим куском пирога. «Ешь, а я подумаю». Тим внезапно понял, что отчаянно голоден. Пока он, не жуя, глотал куски пирога, шумно прихлебывая чай, старушка выложила на стол сверток. Размотав тряпицу, в которую тот был завернут, она раскрыла небольшую, но толстую книгу. На ее страницах разместились рисунки, таблицы, странные надписи. Женищина начала медленно перелистывать листы. Ее движения были плавными, пальцы то порхали по строчкам, то замирали на месте, ощупывая изображение. Порою она поднимала глаза вверх, словно книжные строки парили в воздухе. Это было не чтение, а безмолвный разговор со старым знакомым. Наконец, она взглянула на Тима. «Ты не здешний, птенчик! Говоришь не так, одет не так, думаешь тоже не так, как делают в этих местах. Я не слишком поняла, откуда ты взялся, но здесь ты не просто чужой, тебе здесь не место. У тебя что-то есть. И это что-то очень нужно дурным людям, тем, которые служат злу. Они будут преследовать тебя, пока не добудут эту вещь. Но отобрать ее они не могут, иначе сила этой вещи растает. Они постараются сделать так, что ты сам захочешь отдать ее. Но если ты это сделаешь, то перестанешь быть собой. Нет, ты не умрешь, но обречешь себя на вечное страдание, а это может оказаться хуже смерти». Тим потрясено поставил чашку на стол. «Какую вещь? И что мне с ней сделать? Выбросить, уничтожить? Я смогу после вернуться домой?» «Разумнее всего вернуть ее хозяину. А он уже решит – возвращаться тебе или нет». Тим подскочил со стула. «Да что за вещь-то. И хозяин ее... Как узнать, кому принадлежит то, о чем я понятия не имею?» Старушка молча встала и ушла вглубь дома. Пошуриав в темноте, она вынесла еще один сверток и протянула его мальчику. «Вот, переоденься. В своей одежде ты слишком заметный. На твои вопросы я не вижу ответа. Но могу сказать, что опасность ходит рядом с тобой. Кстати, ты знаешь, с кем ты хотел подраться в темном переулке, или незнание предало тебе силы, и храбрость твоя была безрассудной?». «Я

просто перепугался. А дедушка говорил, что если пойти навстречу своему страху, он исчезнет». «Похоже, так и случилось. Твой дед – мудрый человек. Его совет сегодня спас тебе жизнь. Лихие не привыкли к отпору». «Лихие?» «Это зло, которое охотится за тобой. Но выходит, что и с ним можно сладить. Удачи тебе, птенчик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.